

Рецензия

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-173-187

Ипатов Алексей Михайлович

кандидат исторических наук

Воронежский государственный педагогический университет

Воронеж, Россия

molot.tora@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5320-140X

РЕЦЕНЗИЯ НА:

Память о Второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера и А. В. Соловьева. СПб., 2022. 264 с.

Аннотация. В статье представлена рецензия на опубликованную в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге коллективную монографию «Память о Второй мировой войне за пределами Европы» (СПб., 2022). Подготовленные специалистами-страноведами, в том числе из Польши, разделы посвящены анализу официальной историографии и/или исторической памяти о трагических событиях 1939–1945 гг. в тех странах, жители которых, с одной стороны, принимали участие в боевых действиях, с другой — с самого начала воспринимали эту войну как «чужую», европейскую. В условиях, когда события Великой Отечественной войны как важнейшей и решающей составляющей Второй мировой войны являются неким репером для исторической памяти в Российской Федерации, а на Западе возрождаются ревизионистские оценки событий тех лет, большой интерес представляет опубликованное исследование, позволяющее увидеть альтернативные подходы к анализируемой проблеме и осознать причины, обуславливающие их.

Ключевые слова: Вторая мировая война, историческая память, СССР, Российская Федерация, Европа, Азия, Африка, Латинская Америка, нарратив.

Для цитирования: Ипатов А. М. Рецензия на: Память о Второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера и А. В. Соловьева. СПб., 2022. 264 с. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 173–187. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-173-187>

Review

UDC 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-173-187

Ipatov Alexey M.

Candidate of Historical Sciences

Voronezh State Pedagogical University

Voronezh, Russia

molot.tora@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5320-140X

BOOK REVIEW:**The memory of the World War II outside Europe:
a collective monograph / edited by A. I. Miller
and A. V. Solovyov. St. Petersburg, 2022. 264 p.**

Abstract. The article presents a review of the collective monograph “Memory of the World War II outside Europe” published by the publishing house of the European University in St. Petersburg. Sections prepared by specialists in regional studies, including from Poland, are devoted to the analysis of official historiography and/or historical memory of the tragic events of 1939–1945 in those countries whose inhabitants, on the one hand, took part in hostilities, on the other — many of them from the very beginning perceived this war as “alien”, European. In conditions when the events of the Great Patriotic War, as the most important and decisive component of the World War II, are a kind of reference point for historical memory in the Russian Federation, and revisionist assessments of the events of those years are reviving in the West, the published research is of great interest, allowing to see alternative approaches to the analyzed problem and to understand the reason behind them.

Keywords: World War II, historical memory, USSR, Russian Federation, Europe, Asia, Africa, Latin America, narrative.

For citation: Ipatov A. M. Book review: The memory of the World War II outside Europe: a collective monograph / edited by A. I. Miller and A. V. Solovyov. St. Petersburg, 2022. 264 p // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 4 (56). P. 173–187. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-173-187>

Несмотря на то что с каждым годом события Второй мировой войны все более отдаляются, их актуальность отнюдь не уменьшается. Напротив, можно наблюдать тенденцию к росту интереса к различным аспектам этого глобального вооруженного столкновения разных коалиций государств. Начало холодной войны в 1946 г., которое в отечественной традиции связывают обычно с так называемой фултонской речью У. Черчилля (*англ.* Sinews of Peace), привело к тому, что между недавними союзниками — СССР, США и Великобританией — начался своеобразный спор по поводу того, кто же внес основной вклад в разгром международного фашизма, кого в действительности следует считать победителем во Второй мировой войне. Практически одновременно на Западе началась подготовка идеологической

базы под появившуюся позднее теорию о равной ответственности Советского Союза и нацистской Германии за начало боевых действий, приведших к колоссальным людским и материальным потерям. Теория тоталитаризма была в свое время весьма популярна, о чем свидетельствует издание ряда монографий и проведение множества научных мероприятий, организаторы которых подводили к идее о том, что режимы и Сталина, и Гитлера являлись тоталитарными, и именно они развязали Вторую мировую войну, совершив совместное вторжение в «несчастную» Польшу.

После распада СССР и провозглашения президентом США Дж. Бушем — старшим победы в холодной войне, вероятно, на Западе рассчитывали, что благодаря разнообразным фондам (Сороса, Кеннана и др.) им удастся сформировать у граждан России и других постсоветских республик осознание и признание ведущей роли США и Великобритании в деле разгрома фашизма. Однако подобные установки, учитывая самые большие жертвы Советского Союза по итогам Второй мировой войны и ту роль, которую играет Великая Отечественная война в исторической памяти россиян, находили мало сторонников. В то же время в ряде бывших республик СССР, в значительной степени благодаря массивному идеологическому воздействию США и их союзников, утвердился такой подход, будто нацистская Германия стремилась освободить эти территории от советской оккупации. Национальное мифотворчество, характерное для ряда государств на постсоветском пространстве, имеет в значительной мере антироссийский характер, основанный на обвинении исторической России в многовековой «эксплуатации». Подобный расклад в рамках наблюдаемого с середины 2000-х гг. роста напряженности в отношениях между Россией и странами Запада, периодически принимающего конфронтационный характер, не является чем-то непривычным для рядового отечественного обывателя. Думается, разница в восприятии событий Второй мировой войны между США, Канадой, их европейскими союзниками, с одной стороны, и Россией — с другой, уже никого не удивляет.

Однако нередко можно наблюдать ситуацию, когда у российских политиков, ученых да и просто обычных жителей эмоциональную реакцию и неприятие вызывает оценка событий Второй мировой войны в какой-либо из стран за пределами Европы (исключая, понятно, США и Канаду). По ряду причин многим из нас кажется кощунственным, когда возникают сомнения или, более того, прямое опровержение ведущей роли СССР в победе над Третьим рейхом, его союзниками и сателлитами. Безусловно, в значительной степени это происходит из-за неосведомленности о том, как события 1939–1945 гг. (а в Китае, допустим, очень сильно стремление начать отсчет Второй мировой войны с японской агрессии) сохраняются и транслируются в исторической памяти в других государствах. Поэтому появление на свет коллективной монографии «Память о Второй мировой войне за пределами Европы» (СПб., 2022), изданной усилиями Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге и журнала «Россия

в глобальной политике», призвано открыть для отечественного читателя белые пятна и неисследованные лакуны по крайне актуальной и становящейся все более политизированной проблеме. Подготовленная специалистами из разных городов и научно-образовательных учреждений книга позволяет понять, как происходит трансформация восприятия событий Второй мировой войне в Азии (Китай, Япония, Северная и Южная Корея, Монголия, Индия, Иран, Турция, часть арабского мира), Африке и Южной Америке.

Солидарен с высказанной авторами предисловия точкой зрения, согласно которой «нам важно понимать, как тема Второй мировой войны функционирует в коллективной памяти неевропейских стран» (с. 7). Справедливо и то, что общая память о совместной победе над фашизмом отступила на второй план, по сравнению с накалом противоречий между Россией и коллективным Западом. Высказанное Ф. И. Лукьяновым и А. И. Миллером мнение, что сохранение в России нарратива о Великой Отечественной войне стало едва ли не лейтмотивом государственной внутри- и внешнеполитической линии, также представляется убедительным, однако, вероятно, вызывает некие опасения. Связаны они с тем, что трагические, без всяких сомнений, и одновременно славные события 1941–1945 гг., как мне представляется, затмевают нередко другие важные вехи в отечественной истории и не позволяют ряду государственных деятелей отойти от риторики той эпохи, что, вероятно, не очень конструктивно сказывается на выстраивании российской дипломатией собственной внешнеполитической позиции. В целом относительно восприятия событий Второй мировой войны сложилась крайне противоречивая ситуация, когда разные стороны выдвигают собственную трактовку тех событий, стремясь закрепить ее в исторической памяти своего населения, но крайне болезненно реагируют на даже самое незначительное расхождение с ней в других странах. Это приводит к тому, что выражение «есть только одна правильная точка зрения — моя» принимает вполне осязаемые очертания. Однако подобный подход, характерный для большинства политических игроков на международном поле дипломатии, едва ли представляется конструктивным и приводит не к снижению напряженности, а напротив, к еще большей конфронтации.

Обратимся к анализу отдельных глав рецензируемой коллективной монографии. Первая из них посвящена исторической памяти о событиях Второй мировой войны в Китае (с. 12–27). Она была подготовлена профессором Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета Я. В. Лексютиной. Учитывая особенности общественно-политического строя КНР, нет ничего удивительного в жестком контроле со стороны правящей Коммунистической партии Китая (КПК) над содержанием и поддержанием нарратива о тех трагических событиях. Автор справедливо отмечает, что он не был единым с момента окончания Второй мировой войны и претерпел существенные изменения главным образом в оценках вклада самого Китая в разгром фашизма. Я. В. Лексютина выделяет три этапа в трансформации представлений китайцев

о тех трагических событиях. Для КНР, в отличие от СССР и современной Российской Федерации, главным противником в войне была не нацистская Германия, а Япония. Именно на ней фокусируется внимание общественности в ходе рефлексии о событиях Второй мировой войны. И если на первом этапе (середина 1940-х – конец 1980-х) антияпонская риторика была довольно сдержанной, то после событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. начинает наблюдаться поощряемый КПК рост китайского национализма и все чаще заявляется о так называемом потерянном столетии (1839–1949), в ходе которого Китай подвергался всевозможным унижениям со стороны ряда других государств. При этом некоторые китайские историки и общественные деятели выступают с инициативой начать отсчет событий Второй мировой войны с японской агрессии в Китае и Нанкинской резни 1937 г., что в значительной степени перемещает центр тяжести противоречий, приведших к началу глобального вооруженного конфликта, из Европы в Азию и в некоторой степени снимает с нацистской Германии вину за его развязывание.

Я. В. Лексютина подчеркивает, что третий этап в формировании официального китайского нарратива начался в 2012 г., с приходом к власти Си Цзиньпина. На смену идеологии «столетнего унижения» приходит концепт китайского героизма. Все больше подчеркивается активная роль Китая в деле борьбы с международным фашизмом. Параллельно происходит развитие двух процессов: ужесточение цензуры за «неверное» толкование событий Второй мировой войны и роли Китая в них и искусственное «увеличение» ее за счет выбора точкой отсчета уже не 1937 г., а 1931 г., когда произошел так называемый Мукденский инцидент в Маньчжурии, где правил последний император династии Цин Пу И, против которого японские войска совершили акт вооруженного нападения и фактически оккупировали северо-восточную часть Поднебесной. Автором главы высказана любопытная точка зрения, что подобная попытка увеличения срока продолжительности вооруженного конфликта вызвана не только геополитическими обстоятельствами, долженствующими подчеркнуть важную роль Китая в антифашистской борьбе, но и экономическими факторами, среди которых можно назвать существенное увеличение числа погибших от японской агрессии и резкий рост масштабов нанесенного стране материального урона.

Я. В. Лексютина обращает внимание на два важных обстоятельства, связанных с формированием официального китайского нарратива, которые могут в будущем осложнить взаимопонимание между Российской Федерацией и КНР: это все чаще высказываемое руководителями КПК число жертв в 35 млн человек, а также употребление вместо термина «Вторая мировая война» несколько специфичного понятия «мировая антифашистская война». Думается, она верно связывает данные обстоятельства со стремлением китайского руководства под видом пересмотра европоцентристского взгляда на анализируемые события обозначить наличие двух равнозначных фронтов в ходе Второй мировой

войны — советско-германского в Европе и китайско-японского на Дальнем Востоке. Фактически речь идет о претензии Китая объявить свою страну равнозначным Советскому Союзу победителем в войне.

Как подчеркивает автор, лейтмотивом политики исторической памяти в Китае в последние годы становится все усиливающаяся антияпонская риторика в купе с появлением заявлений антиамериканской направленности и стремлением совместно с российской стороной противостоять попыткам фальсификации истории, главным образом в странах Запада. В то же время невозможно не согласиться с высказанным Я. В. Лексютинной опасением, что в России должны пристальнее следить и реагировать на периодически проскальзывающие в выступлениях высокопоставленных китайских чиновников высказывания о том, что Китай мог бы и без поддержки Советского Союза и других стран антифашистской коалиции разгромить Японию. Подобное умаление вклада Красной Армии в разгром Квантунской армии должно вызывать справедливый протест как со стороны российской общественности, так и со стороны властей.

Глава, посвященная исторической памяти о Второй мировой войне в Японии, подготовлена доцентом Университета Васэда в Токио Я. А. Шулатовым (с. 28–56). Особый интерес она вызывает, во-первых, потому, что Япония не заключила с Россией мирный договор по итогам Второй мировой войны и имеет с ней территориальные споры; во-вторых, Япония является одним из агрессоров во Второй мировой войне. Впрочем, как отмечено автором, у официального Токио есть камень преткновения в виде оспариваемых территорий не только с Москвой, но и с Китаем и Южной Кореей. В отличие от Поднебесной, в Японии точкой отсчета событий Второй мировой войны считается Перл-Харбор, поэтому и главным противником предстают отнюдь не Советский Союз и Великобритания, а США. Следовательно, и поражение в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе (а именно эти территории встраиваются в японский нарратив о войне) приводит к осознанию того, что главный победитель — это Вашингтон. А Советско-японская война в Маньчжурии воспринимается обособленно, не как составная часть Второй мировой войны (!!!).

Более любопытный момент, который анализирует Я. А. Шулатов, это попытка левых кругов японского общества на протяжении нескольких десятилетий представить население страны как нацию-жертву, используемую консервативными правящими кругами периода Второй мировой войны ради достижения своих целей. И в данном контексте ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки воспринимаются как несправедливое наказание мирного населения, якобы не имевшего никакого отношения к преступлениям режима. Налицо, как и в Германии, попытка снять с широких слоев населения ответственность за развязывание наиболее жестокой и кровавой из всех войн в истории, переложив всю вину на военно-политическое руководство. Кроме того, сходство с послевоенной Германией наблюдается в том плане, что в японских кругах по мере отдаления событий Второй мировой войны все чаще, наряду с публично провозглашенным

на государственном уровне раскаянием за многочисленные преступления, совершенные военными Страны восходящего солнца, появляются и идеи о том, что самоуничжительный подход к восприятию жителями Ниппон своей роли в тех трагических событиях необходимо преодолевать. Вероятно, автор данной главы прав, доказывая, что непосредственное участие в подобном, «праворадикальном», крене в исторической памяти японцев принимают и правящие круги.

Показательным для российского читателя моментом являются приводимые Я. А. Шулатовым сведения о том, что, в отличие от Китая, Южной Кореи и ряда других государств Юго-Восточной Азии, Советский Союз (и Российская Федерация как его официальная правопреемница) не воспринимается в исторической памяти японцев однозначно как жертва агрессии. Еще более удивительным и парадоксальным в современной России может казаться тот факт, что отдельные японские круги рассматривают как акт агрессии вступление СССР в войну против милитаристской Японии в августе 1945 г. в нарушение договора о ненападении 1941 г. Весь сформированный комплекс советско-японских, а теперь и российско-японских противоречий оказывает существенное влияние на историческую память в Стране восходящего солнца. Отсюда и сложнейшее отношение к нашей стране не только официального Токио, но и широких кругов японского общества. Однако, как считает Я. А. Шулатов, происходит снижение «удельного веса “российского наполнения” исторического нарратива по сравнению с прошлым веком в пользу проблематики, связанной с японо-китайскими и японо-корейскими отношениями» (с. 56).

Две следующие главы посвящены анализу нарратива о событиях Второй мировой войны в коллективной памяти южных (с. 57–74) и северных (с. 75–96) корейцев. Подготовлены они были, соответственно, доцентом Школы востоковедения НИУ ВШЭ Н. Н. Ким и ведущим научным сотрудником Университета Кунмин в Сеуле Ф. К. Тертицким. Анализ представленного в этих главах материала позволяет осознать ту колоссальную разницу, с какой в обеих частях некогда единого государства воспринимают и транслируют информацию о еще относительно недавних событиях. Собственно, о северокорейском варианте рассуждать особенно не приходится, учитывая то обстоятельство, что только у государства имеется монополия на подготовку учебников по истории и выстраивание генеральной линии, отступление от которой не представляется возможным. По сути, как это блестяще представил автор, мы можем смело говорить не о сохранении в Северной Корее исторической памяти о Второй мировой войне, а о ее сознательном конструировании и транслировании населению. Ничем иным, как современным мифотворчеством действия в этой области официальных властей, назвать нельзя. Если в первые послевоенные годы на направление в освещении событий 1939–1945 гг. немалое влияние оказывал Советский Союз, то со временем исключительно в интересах партийно-политического руководства страны началось обозначенное выше мифотворчество. Их итогом стало то, что в историографии уже с 1967 г. стала транслироваться

идея, согласно которой «разгром Японии стал подаваться в стране как заслуга КНРА (якобы имевшая существование Корейская Народно-революционная армия. — *И. А.*) и Ким Ир Сена, а официальный северокорейский нарратив о войне практически полностью утратил связь с действительностью» (с. 92). Сложно не согласиться с данным выводом Ф. К. Тертицкого, если к тому же учесть, что Ким Ир Сена уже «написали» (!!!) 5 томов собрания сочинений.

Сложнее обстоит дело с исторической памятью о событиях Второй мировой войны в Южной Корее. Как справедливо подчеркивает Н. Н. Ким, «для корейцев — это, с одной стороны, память об освобождении от японского колониализма и сопряженных с этим событиях, а с другой — память о расколе как непосредственном следствии военного конфликта и обстоятельств освобождения» (с. 57). То обстоятельство, что Корея не была независимым государством, накладывает отпечаток и на восприятие тех событий, связанных и с трудовой мобилизацией корейцев Японией, и с борьбой за независимость, и в рамках националистического дискурса с нивелированием роли внешних сил — США и СССР в деле корейского освобождения. Две сверхдержавы в дальнейшем сыграют определяющую роль в событиях на Корейском полуострове, поэтому им уделяется немало внимания, однако критике подвергается позиция обеих стран в вопросе о готовности корейцев самостоятельно управлять своим государством. Примером может служить выдержка из учебника старшей школы Национального института истории Кореи: «Таким образом, вместе с раздельной оккупацией США и СССР произошел раскол нашей нации на правых и левых». В итоге нация, вступив «на путь раскола, так и не смогла создать единое независимое государство» (с. 70).

Сложно, исходя из анализа материала, не согласиться с выводом автора главы о том, что события Второй мировой войны, как бы нам это ни казалось странным, воспринимаются корейцами (и это к тому же культивируется на государственном уровне) как некий фон для процесса национального освобождения и дальнейшего трагического раскола нации. В связи с этим неудивительно, что память об освобождении страны советскими войсками и союзными силами с юга «перекрывается» акцентом на вкладе собственных сил в достижение независимости.

Подготовленная директором Центра среднеазиатских исследований Университета им. Адама Мицкевича в Познани И. О. Пешковым и его коллегой, научным сотрудником З. Шмытом глава о монгольском нарративе о Второй мировой войне (с. 97–113) демонстрирует, что в этой стране историческая память о тех трагических событиях существенно отличается от того, как сейчас вспоминают их в бывших странах восточного блока. Ученые подчеркивают, что в Монголии придают большое значение прославлению и героизации совместной с СССР борьбы против японских интервентов, ставят памятники не только своим военачальникам, но и советским, например Г. К. Жукову. Как и в случае с обеими Кореями, немаловажное значение в монгольском обществе придается фактору

освобождения страны в годы Второй мировой войны и построения собственного независимого государства. О сложностях, сопутствующих этому процессу, авторы главы пишут так: «...монгольская модель памяти включает социализм как путь к независимости, дружбу с СССР как путь к собственному государству, зависимую позицию и уничтожение традиционной культуры» (с. 100). Самое любопытное и удивительное заключается в том, что нередко установка того или иного памятника, приуроченная к какой-либо юбилейной дате, происходит не только за счет государства, но и за счет российско-монгольских фондов, что приводит к неразберихе и разногласиям по поводу концепции мемориальных комплексов. Для российского обывателя, вероятно, будет непросто осознать, что среди монгольского населения была не только благодарность Советскому Союзу за помощь в отражении японской агрессии и обретении независимости через отделение от Китая, но и некая обида за то, что значительный вклад монголов в обеспечение советского тыла фактически не раскрыт в российской историографии.

В целом стоит отдать должное авторам главы о Монголии, сумевшим убедительно продемонстрировать все сложности и всю неоднозначность с исторической памятью о событиях Второй мировой войны в этой стране. Удивителен и парадоксален и вывод авторов о том, что «ценности демократии, критическая оценка сталинизма, однозначно националистическая оценка прошлого превращают Монголию в неожиданного адвоката сталинской политики в регионе и хранителя памяти в боевом братстве монголов с советским народом во время Второй мировой войны» (с. 113).

Глава об Индии подготовлена руководителем группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН А. В. Куприяновым (с. 114–129). Как и многие азиатские и африканские государства, Индия имеет один из наиболее сложных нарративов о событиях Второй мировой войны, значительную часть которого составляет восприятие этой войны как чуждой индийским национальным интересам. И в этом отношении крайне сложно примирить разные слои индийского общества, одни из которых в качестве героев почитают тех солдат и офицеров, что в разных уголках планеты сражались против войск держав «оси», другие же отдают почет и уважение Субхас Чандра Босу и его единомышленникам, видевших главного противника именно в британцах. Автор данной главы делает краткий обзор политических процессов, происходивших в индийском обществе и истеблишменте перед началом Второй мировой войны, справедливо указывая на ряд противоречий не только в рамках внутреннего дискурса, но и во взаимоотношениях с другими государствами, прежде всего с Великобританией. Это позволяет даже далекому от темы читателю сформировать определенное представление о той ситуации, в которой оказалась страна во время войны. И все дальнейшие трансформации в рамках политики памяти, безусловно, еще долгое время будут вызывать дискуссии в индийском обществе. Важным, особенно для российских

граждан, открытием А. В. Куприянова служит вывод о том, что «в Индии, как и в других азиатских странах, почти отсутствует рефлексия в отношении преступления нацистов в Европе» (с. 124); более того, в местных учебниках политика нацистов оценивается довольно нейтрально. Думается, прав автор главы, утверждающий, что это делается не ради того, чтобы сознательно замалчивать преступления Гитлера и его окружения, а просто потому, что события в Европе, фактически не касавшиеся Индостана, воспринимаются современными индусами как нечто крайне отдаленное, как хронологически, так и территориально. Сложнейший комплекс национально-территориальных противоречий и социально-экономических связей в Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе своим следствием имеет то, что в индийской исторической памяти происходит «примирение» с Японией, совершившей акт агрессии в северо-восточной части Индии. Оправданным и взвешенным воспринимается вывод ученого, согласно которому в Индии и дальше будет сохраняться двойственность нарратива о Второй мировой войне, а героизироваться будут как те, кто сражался против фашизма, так и те, кто с помощью Германии стремился добиться национальной независимости.

Не менее сложный комплекс представлений сформировался и в исторической памяти иранцев, о чем говорится в главе, подготовленной старшим научным сотрудником Института востоковедения РАН Е. В. Дунаевой (с. 130–149). Ее анализу иранского нарратива о Второй мировой предшествует краткая характеристика положения страны в предвоенные годы. То обстоятельство, что ряд десятилетий Иран был разделен на сферы влияния между Россией и Великобританией, по справедливому мнению Е. Е. Дунаевой, наложило весьма отчетливый отпечаток на восприятие событий 1939–1945 гг. местным населением. Для российских читателей, вероятно, несколько шокирующе будет звучать информация о том, что в этой исламской республике не празднуют День победы над фашизмом. Лишь улучшающаяся внешнеполитическая конъюнктура в российско-иранских отношениях приводит к появлению в местных СМИ в последние годы информации о проводимых в Москве и других российских городах парадах и о ведущей роли СССР в разгроме нацистской Германии и ее союзников и сателлитов. Оказывается, у иранцев, как и у монголов, есть некая «обида», на Советский Союз. По их мнению, роль Ирана как важнейшего транспортного коридора и поставщика нефти неза заслуженно «забыта» в советской и российской историографии, а И. В. Сталин стремился аннексировать территорию Иранского Азербайджана.

В тексте главы убедительно продемонстрированы перипетии складывания и трансформации иранского нарратива о Второй мировой войне. Факторами, повлиявшими на это, были разногласия официального Тегерана с Москвой и Лондоном, не желавшими, по мнению ряда иранцев, предоставлять независимость и суверенитет их стране, а также прогерманские симпатии части населения республики, появившиеся после «заигрывания» Гитлера с исламом

и акцентирования им темы сотрудничества нацистов и исламистов в борьбе против западных демократий и Советского Союза. Болезненна для современной исторической памяти иранцев, как отмечает Е. В. Дунаева, и проблема невыплаты СССР Ирану компенсаций за пребывание советских войск на его территории и вывоз зерна, в то время когда в стране был массовый голод. Однако перечисленные выше аспекты, вызывающие неоднозначную оценку в исторической памяти иранцев, не имеют серьезного значения. К тому же автор главы приходит к справедливому выводу о том, что в целом иранское общество нечасто вспоминает события Второй мировой войны. А если и обращается к каким-либо сюжетам, то об СССР чаще рассуждают в негативном ключе, что переносится и на современную Россию как его правопреемницу. С сожалением приходится констатировать правоту автора этого текста относительно пассивности российской официальной пропаганды в данном направлении и следованию устаревшим шаблонам в попытках представить иранскому обществу отечественную версию событий Второй мировой войны как единственно правильную.

Не меньший интерес представляет подготовленная доцентом Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова П. В. Шлыковым глава об исторической памяти о событиях Второй мировой войны в Турции (с. 150–182). Для наглядности автор снабдил текст карикатурами и фотографиями первых полос ряда турецких газет, что, безусловно, повысило качество представленного им материала. Размышления об этапе 1939–1945 гг. органически вписаны им в более широкую канву перипетий турецкой истории XX в. и современных проблем, имеющих корни в прошлом. П. В. Шлыкову удалось на примерах доказать ошибочность отдельных выводов советских авторов, в то же время предложив собственную, аргументированную точку зрения. Не вызывает сомнений его вывод о политике лавирования турецкого руководства между США и Великобританией, с одной стороны, и Германией — с другой, вкупе с недружелюбной в целом позицией по отношению к СССР. Мы даже видим ситуацию некоего заигрывания с Гитлером, в данном случае на фоне ислама. Вызывает недоумение недооценка или непонимание ряда мусульманских деятелей, которые называли немецкого фюрера едва ли не ожившим пророком Мухаммедом, пришедшим наказать все враждебные религии.

Проанализировав турецкую историографию по проблемам исторической памяти, П. В. Шлыков приходит к выводу о господстве в этой области установки об активном нейтралитете страны в годы Второй мировой войны. При этом современные турецкие историки не склонны идеализировать прошлое, а, напротив, указывают на ошибки собственного правительства в международных отношениях в тот непростой период. От них не отстают и турецкие политики, в том числе президент страны Р. Т. Эрдоган, несколько раз публично критиковавший главу государства в 1938–1950 гг. И. Иненю и сравнивавший его с Гитлером. Автор главы подчеркивает, что турецкие историки, реагируя на периодически вспыхивающие обвинения в пассивности страны в рамках борьбы

против фашизма, парируют это тем, что «формальное неучастие в войне или нейтралитет Турции вполне укладывался в рамки международного права того времени» (с. 172).

В целом, вероятно, стоит считать справедливым вывод П. В. Шлыкова о некой периферийности восприятия в турецком историческом нарративе событий Второй мировой войны. Причина эта имеет более политический подтекст, так как нынешнее турецкое руководство стремится максимально дискредитировать кемалистов, в том числе путем уменьшения количества упоминаний о них. Одним из аспектов, который подчеркивается турецкими учеными и общественно-политическими деятелями, является массовое спасение евреев от нацистского преследования, что несколько выделяет Турцию в среде окружающих Израиль мусульманских государств. Все это, по мнению автора анализируемой главы, вписывается в антизападническую внешнеполитическую риторику Эрдогана. В то же время для нас важно, что Советский Союз оценивался турками с критических позиций, как государство, стремившееся распространить свое влияние на соседние страны.

У авторов трех заключительных глав рецензируемого издания задача была несколько сложнее, чем у их соавторов, ибо они анализировали историческую память о событиях Второй мировой войны не в отдельно взятой стране, а сразу в нескольких. И если профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Г. Г. Косач (к сожалению, в ходе подготовке монографии ушедший из жизни), писал пусть о разных, но все же связанных единой традиционной культурой и религией арабских странах (с. 183–215), то анализ исторической памяти в столь разных государствах, как страны Африки и Южной Америки, крайне трудоемок и требует большого профессионализма от ученых.

Изучение памяти о событиях 1939–1945 гг. в арабском мире осложнялось еще тем обстоятельством, что часть входящих в него государств были независимыми, другие же — на положении колоний и полуколоний. Следовательно, вполне справедливо подчеркнутое авторами главы утверждение, что речь должна вестись не о едином арабском нарративе о событиях Второй мировой войны, но об их множестве.

Какие же главные сюжеты запечатлелись в памяти жителей арабских государств? Во-первых, это перипетии взаимоотношений со странами «оси», которые, прежде всего в лице нацистской Германии, как уже отмечалось выше, стремились сыграть на факте противоречий между Великобританией и Францией и их многочисленными колониями, а также акцентировали внимание на христианско-мусульманском противостоянии. Во-вторых, для многих арабов «война выглядела как средство, способное помочь завоеванию (либо расширить узкие рамки) политической самостоятельности» (с. 190), что напоминает ситуацию в Корее и Индии. В-третьих, уже тогда многие в арабском мире понимали, что обе воюющие стороны стремятся заручиться их поддержкой, чтобы иметь доступ к нефти, к Суэцкому каналу и территориям, которые можно использовать

как удобный плацдарм для ведения боевых действий. Оценивая в целом позицию различных арабских территорий, можно охарактеризовать ее как активный нейтралитет, политику лавирования между нацистской Германией и ее сателлитами, с одной стороны, и Великобританией, США и СССР — с другой.

Характерно, что в современном обществе арабских стран фактически, как подчеркивал Г. Г. Косач, нет осуждения сотрудничества со странами «оси», ибо это представляется как один из инструментов достижения национальной независимости. Делая вывод об арабских нарративах, автор подчеркивает их провинциальность, сфокусированность на событиях, имевших место в ареале расселения арабов. Для российского читателя, привыкшего к тому, что коренной перелом ассоциируется с битвами под Сталинградом и на Курской дуге, сложно принять тот факт, что в арабском мире он связан с битвой при Эль-Аламейне: «североафриканский театр военных действий превращается в ведущий, а Великобритания несет на себе основное бремя сражения с нацистской Германией (и фашистской Италией)» (с. 213). О роли Советского Союза в разгроме фашизма, как и в целом о его участии во Второй мировой войне, в арабской исторической памяти, как отмечал Г. Г. Косач, фактически нет упоминаний. Рискну предположить, что основной причиной этого является географическая отдаленность СССР от арабского мира.

Глава об историческом нарративе в Африке подготовлена старшим научным сотрудником Института всеобщей истории РАН Н. Г. Щербаковым (с. 216–243). Он справедливо отмечает, что, учитывая колониальный или полуколониальный статус всех стран на этом континенте, мы можем говорить о «чужой» Второй мировой войне для миллионов африканцев, вынужденных в составе войск союзников, главным образом Великобритании и Франции, участвовать в сражениях против держав «оси». Значительную часть статьи занимает анализ сюжетов, непосредственно связанных с участием африканцев в военно-политических событиях тех лет. Автор указывает, что после завершения войны была предпринята попытка подведения итогов этого участия на пятом Panaфриканском конгрессе. Однако на него были приглашены представители далеко не всех стран континента, а ряд выступающих высказывал точки зрения, вызывавшие неприятие других, поэтому к консенсусу прийти не удалось. К сожалению, анализ современного состояния исторической памяти в Африке, несмотря на все достоинства главы, в данном разделе отсутствует. Н. Г. Щербаков акцентирует внимание главным образом на дискуссиях, сопровождавших проведение конгресса. Фактически исследователь ограничивается сравнением африканского исторического нарратива о Первой и Второй мировых войнах, отмечая своеобразную «прогрессивность» второго. Он пишет: «В памяти военного поколения война стала играть роль своеобразной точки отсчета: африканцы вновь продемонстрировали преданность идеалам, ради которых европейские метрополии и США сражались в войне» (с. 243). Данный вывод представляется весьма дискуссионным. В целом же данная глава, увы, не дает представления о том, в каком состоянии находится

сейчас историческая память о событиях Второй мировой войны на Африканском континенте.

Заключительная глава коллективной монографии подготовлена авторским коллективом в составе научных сотрудников Института Латинской Америки РАН И. А. Гриценко и Д. М. Елесеенко, их коллеги, ведущего научного сотрудника Ю. Н. Кудеяровой, заведующего кафедрой международных отношений и внешней политики МГИМО МИД России Б. Ф. Мартынова и заместителя директора Института Латинской Америки РАН Д. М. Розенталя (с. 244–261). В целом убедительной представляется позиция авторов, доказывающих, что значительное расстояние, отделявшее Латинскую Америку от Европы, несмотря на наличие в отдельных странах довольно многочисленных немецких меньшинств, приводило к опосредованному восприятию происходивших в Старом Свете процессов в 1939–1945 гг. Оказывало определенное воздействие, безусловно, и колониальное прошлое южноамериканских государств. В совокупности с развитием интегрализма это делало вполне вероятной поддержку стран «оси» в начавшемся глобальном вооруженном конфликте. Так, противоречия в бразильском обществе, наличие большого числа японцев, итальянцев и немцев в стране, сложные взаимоотношения страны с США привели к тому, что даже после окончания Второй мировой войны у жителей Бразилии наблюдаются весьма определенные симпатии к праворадикальным идеологиям. Убедительным на этом фоне выглядит вывод о том, что «мировой конфликт оставил после себя противоречивую память» (с. 249). С одной стороны, вступив в войну на стороне союзников, Бразилия оказалась в числе стран-победителей, с другой — симпатии довольно значительных слоев населения были на стороне нацистской Германии и ее сателлитов.

Участие Мексики в войне на стороне своего соседа США, с которым были крайне сложные отношения, и память о завоеванных Штатами северных мексиканских территориях, было, казалось бы, не столь очевидным. Кроме того, «Германия не воспринималась угрозой для пацифистского общества латиноамериканской страны» (с. 252). Однако следует признать существенный вклад мексиканцев в обеспечение американского тыла путем отправки в США тысяч рабочих и поставок столь необходимой нефти и других ресурсов. В связи с этим представляется верным вывод о том, что участие Мексики во Второй мировой войне было не целью, а скорее средством внешнеполитической деятельности официального Мехико. Несмотря на то что многими современными мексиканцами события 1939–1945 гг. воспринимаются как «чужая», «вынужденная» война, участие в ней граждан Мексики героизируется в рамках причастности к борьбе против фашизма, проводятся многочисленные мемориальные мероприятия.

Еще сложнее ситуация с нарративом о Второй мировой войне в Аргентине, что предопределено особенностями самого участия страны в тех драматичных событиях и послевоенной позиции аргентинского руководства, «приютившего» в своей стране несколько тысяч нацистских преступников. На протяжении

ряда десятилетий праворадикальные идеи пользовались большим сочувствием в аргентинском обществе и лишь в последнее время проводятся активные мероприятия на государственном уровне с целью их преодоления. Касаются авторы и позиции русских эмигрантов в годы Второй мировой войны, однако, несмотря на все достоинства материала, так до конца непонятным остается вопрос, как же сейчас обстоит дело с восприятием перипетий 1939–1945 гг. в Аргентине.

Сходная ситуация по поводу участия во Второй мировой войне и послевоенного укрывательства нацистских преступников на своей территории была и в Парагвае. Во многом это было обусловлено наличием значительной немецкой диаспоры, усилиями которой была создана, пусть и довольно быстро запрещенная, Парагвайская национал-социалистическая партия. Представляется убедительным вывод авторов, что удаленность от основного театра разворачивающихся боевых действий в Европе и отсутствие сведений о нацистских преступлениях способствовали развитию в Парагвае, как и в других странах региона, восприятия Германии, Италии и Японии как государств порядка и дисциплины. Отсюда и определенные симпатии к ним. Вероятно, справедлив в отношении современного парагвайского общества вывод о том, что «глобальное противостояние и преступления нацизма остаются в тени национальной истории» (с. 260).

Таким образом, рецензируемое издание значительно расширяет наше представление об историческом нарративе о Второй мировой войне на неевропейских территориях. То, что он существенно отличается от исторической памяти в нашей стране, лишь на первый взгляд кажется удивительным. Однако более детальное изучение обстоятельств участия ряда государств во Второй мировой войне, сложности их взаимоотношений с Советским Союзом, США, Великобританией и Францией привели в итоге к тому, что события 1939–1945 гг. нередко находятся на периферии исторической памяти в этих странах, а где-то практически не знают о вкладе СССР в разгром фашизма. В некоторых государствах лишь в последнее время удалось преодолеть симпатии к странам «оси». Таким образом, необходимо однозначно приветствовать появление данной монографии и надеяться на то, что она подтолкнет к еще более интенсивному изучению сложной и противоречивой проблемы политики памяти о Второй мировой войне. А это, в свою очередь, может способствовать росту взаимопонимания между разными странами.